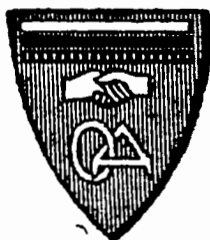

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.**

ВЫПУСКЪ 82.

Д-ръ ВАЛЕРІЙ А. ПОГОРѢЛОВЪ,
профессоръ Братиславскаго Университета

МИХАИЛЪ ЛУЧКАЙ
и его
GRAMMATICA SLAVO-RUTHENA

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

**УЖГОРОДЪ.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».
1930.**

СОСТАВЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ РУССКАГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАГО О-ВА ИМ. АЛЕКСАНДРА В. ДУХНОВИЧА на 1930—1931 годъ.

I. Почетные члены Общества.

1. Д-ръ Антоній Г. Бескидъ, губернаторъ Подк. Руси; 2. Петръ Гебей, епископъ мукачевскій; 3. Проф. Д-ръ А. Л. Петровъ; 4. Д-ръ Антонинъ Гайнъ, депутатъ Чсл. парламента; 5. Проф. М. М. Новиковъ, ректоръ Русск. Ун-та въ Прагѣ; 6. Проф. Д-ръ Ю. И. Поливка, президентъ Чсл. Акад. Наукъ; 7. Академикъ В. А. Францевъ; 8. Академикъ А. И. Беличъ; 9. Проф. Іосифъ Шкультеты, директоръ Словацкой Матицы; 10. О. Генрихъ Полянскій, поч. чл. О-ва М. Качковскаго въ Львовѣ; 11. Генераль Л. Г. Прхала, командиръ XII пѣх. дивизіи; 12. Д-ръ К. П. Мачикъ, вице-президентъ Высш. Суда въ Кошицахъ; 13. Д-ръ Симеонъ Смайдрай, кан.; 14. Проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ; 15. Проф. Д-ръ В. А. Погорѣловъ; 16. Проф. Д-ръ Ю. А. Яворскій.

II. Пожизненные члены Общества.

1. Викторъ Карцубъ, архидіаконъ; 2. Ив. А. Поливка, пенс. шк. инсп.; 3. Юлій Станкай, каноникъ; 4. Ириней Ханатъ, свящ. 5. Іосифъ Хромьякъ, дир. учит. семинаріи; 6. Мих. Риганъ, директоръ; 7. Константинъ Невицкій, свящ.; 8. Иванъ Бокшай, свящ.; 9. Д-ръ Илья Гаджега, предс. Земскаго Суда; 10. Алексѣй Коссей, архидіаконъ; 11. Инж. Августинъ Стрипскій, дир. госуд. лѣсовъ; 12. Д-ръ Петръ Петригалия, городской голова г. Мукачева; 13. Д-ръ Алоизъ Пинта.

III. Президіумъ Общества.

1. Архидіаконъ Евменій Ив. Сабовъ, предсѣдатель; 2. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ, секретарь-дѣлопроизводитель; 3. Д-ръ Іосифъ Каминскій, первый тов. предсѣдателя; 4. Д-ръ Игорь Петрикъ, второй тов. предсѣдателя; 5. Проф. Степанъ С. Медьешій, казначей; 6. Андрей Игнацій, 2-й казначей; 7. Степанъ Федоръ, хозяинъ; 8. Петръ Сова, библіотекаръ; 9. Д-ръ Эмилианъ М. Вальницкій, 1-й письмоводитель; 10. Павелъ Федоръ, 2-й письмоводитель.

IV. Центральное Правленіе.

1. Анталовскій Василій, шк. инсп.; 2. Араній Іосифъ, фах. учит.; 3. Д-ръ Бачинскій Эдмундъ, сенаторъ; 4. Баконій Степанъ, упр. шк.; 5. Д-ръ Бескидъ Александръ, высш. совѣтникъ; 6. Д-ръ Бескидъ Алексѣй, окружный начальникъ; 7. Василенковъ Михаилъ, фах. учит.; 8. Гаджега Эмма, предс. Союза Русск. Женщинъ; 9. Добошъ Иванъ, шк. исп.; 10. Драгула Николай, дир. гимназіи; 11. Д-ръ Жидовскій Иванъ; 12. Ильницкій Александръ, каноникъ; 13. Ковачъ Иванъ, упр. шк.; 14. Д-ръ Кизакъ Іосифъ, проф.; 15. Коломацкій Всеволодъ, свящ.; 16. Микита Михаилъ, проф.; 17. Марковичъ Гавріиль, свящ.; 18. Мигалка Юлій, город. инж.; 19. Петровъ Василій, проф.; 20. Поповичъ Андрей, упр. шк.; 21. Рудловчакъ Андрей, учит.; 22. Стасева Феодора, проф.; 23. Д-ръ Сулинчакъ Василій, дир. гимназіи; 24. Цуркановичъ Иларіонъ, сенаторъ; 25. Чеканъ Антоній, уч.; 26. Д-ръ Шкирпанъ Наталья, проф.; 27. Шпеникъ Василій, упр. шк., предс. Уч. Т-ва.

V. Ревизіонная Комиссія.

1. Гаталякъ Петръ, дир. банка; 2. Гойдичъ Леопольдъ; 3. Бродій Андрей; 4. Звонниковъ Владиміръ; 5. Д-ръ Могильницкій Корнилій.

Проф. Д-ръ ВАЛЕРІЙ ПОГОРЬЛОВЪ.

Мих. Лучкай и его Grammatica Slavo-ruthena.

(1830 — 1930).

Всё есть у насъ, повѣрьте
Согласья лишь и знаній не хватаетъ!
Милые сородичи и други!

Všecko máme, věřte, moji drazí
Spoluvlastenci a přátelé!..
Svornost jen a osvěta nám schází!

Такъ сказалъ великій славянинъ, поэтъ Всеславянства — Колмаръ. — въ его время болѣли мы, Славяне, этимъ недостаткомъ единенія и знаній, болѣемъ и теперь, и страстно хотимъ излѣчиться отъ этой болѣзни и глубоко благодарны, признательны тѣмъ, которые ищутъ средства спасти насъ отъ этого рокового славянскаго недуга. Искренно благодарить должны мы за попытку придумать такое средство и того человека, который ровно 100 лѣтъ тому назадъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку подъ названіемъ „Grammatica Slavo-ruthena“ — именно Михаила Лучкай.

Любопытна судьба этой книжки! — Писалась она въ Италіи, въ маленькомъ городкѣ — Луккѣ, писалась на латинскомъ языкѣ, напечатана въ Венгріи, въ Буда-Пештѣ, а содержитъ грамматику церковно-славянскаго языка сравнительно съ языкомъ карпато-русскимъ.

Какимъ горячимъ патріотомъ долженъ былъ быть ея авторъ, какъ любить свой маленькій, бѣдный, малокультурный народъ: подъ благословеннымъ небомъ Италіи онъ не только не забылъ о немъ, но и на чужбинѣ болѣлъ за него, видя, что объ этомъ народѣ не знаютъ даже въ ученомъ мірѣ, что даже такой извѣстный славистъ, какъ Шафарикъ, называетъ (стр. IX) Карпатскую Русь — *terra incognita*. Многіе считаютъ хорватскій языкъ наиболѣе близкимъ къ языку Библии, къ матери всѣхъ славянскихъ языковъ — языку церковно-славянскому (такое мнѣніе тогда, дѣйствительно, существовало, его раздѣлялъ даже такой ученый, какъ І. Добровскій), а между тѣмъ карпаторусскій

языкъ, по мнѣнію Лучкая, стоитъ гораздо ближе къ церковно-славянскому языку.

Живя въ Италіи, вдали отъ своего народа, онъ все же старался быть ему по мѣрѣ силъ полезнымъ. Никто не знаетъ о Карпатской Руси — почему? Да, потому, что тамъ нѣтъ никакой литературы, карпаторуссы ничего не пишутъ. «Можетъ быть (стр. X), по недостатку дарованій?» — ставитъ онъ себѣ вопросъ и съ негодованіемъ отбрасываетъ самую эту мысль, указывая на рядъ извѣстныхъ ему лицъ, выдающихся по уму, талантамъ, образованію: епископовъ Бачинскаго и Тарковича, краснорѣчивыхъ ораторовъ Алексѣя Ильковича и Ю. Пастелія, трудолюбиваго Мих. Табаковича, своихъ современниковъ — проф. Мих. Черскаго, канонниковъ Стеф. Андруховича и Ю. Чурговича и др., но горе въ томъ, что эта, всетаки очень малочисленная, карпаторусская интеллигенція такъ обременена своими служебными обязанностями, что не можетъ удѣлить времени литературной дѣятельности. — А между тѣмъ этотъ бѣдный, но богато одаренный народъ заслуживаетъ того, чтобы о немъ знали, онъ нуждается въ томъ, чтобы ему облегчили доступъ къ литературной дѣятельности.

И вотъ, за обѣ эти задачи берется человѣкъ, даровитый по природѣ и получившій къ тому же выдающееся по тому времени филологическое образованіе, — Михаилъ Лучкай, — любопытно, что одновременно съ нимъ другой карпаторуссъ — Юрій Гуца (Венелинь) пытался рядомъ трудовъ напомнить міру о другомъ забытомъ славянскомъ народѣ — о Болгарахъ, и надо сказать, что его усилія увѣнчались бѣлымъ успѣхомъ, чѣмъ дѣятельность Лучкая, можетъ быть, потому, что онъ писалъ по русски, а не по латыни!

Біографическія свѣдѣнія о Лучкаѣ, какъ Вамъ, конечно извѣстно, очень скудны. Мы знаемъ, что родился онъ въ 1789 году, недалеко отъ Мукачева — въ Великихъ Лучкахъ, вслѣдствіе чего и принялъ имя Лучкай, вмѣсто своего родового имени Матяцко, или по другимъ даннымъ — Попъ, — высшее богословское образованіе получилъ онъ въ Вѣнѣ, тамъ же вступилъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся вопросами лингвистики, въ этотъ же кружокъ входилъ тогда между прочимъ и извѣстный славистъ — Копитаръ. Здѣсь-то, вѣроятно, въ молодомъ Лучкаѣ зародился и интересъ къ вопросамъ языка и развился его лингвистическій талантъ. Въ книгѣ Д-ра Волод. Бирчака «Литературнѣ стремлѣнія Подкарпатскоѣ Руси». 1921, сообщается, будто бы Лучкай слушалъ въ Вѣнѣ лекціи извѣстнаго ученаго, І. Добровскаго. Но это явное недоразумѣніе: Добровскій никогда, никакихъ лекцій въ Вѣнѣ не читалъ, и съ его научными взглядами Лучкай познакомился только по его книгамъ.

Однако о размѣрахъ научной подготовки Лучкая, о его знаніяхъ говорятъ намъ не столько эти недостаточныя біо-

графическія данныя, сколько оставленные имъ труды. И эта вотъ столѣтняя старушка: „*Grammatica Slavo-ruthena*“, юбилей которой мы собрались отмѣтить, свидѣтельствуетъ о многомъ. Она указываетъ какъ внимательно былъ изученъ авторомъ церковно-славянскій языкъ, какъ основательно онъ ознакомился съ книгами Священнаго Писанія, книгами богослужебными (разумѣется, главнымъ образомъ, по печатнымъ изданіямъ русскимъ, частью сербскимъ), какъ хорошо извѣстны были ему труды, посвященные грамматической разработкѣ этого языка; эта книга свидѣтельствуетъ о настоящемъ лингвистическомъ талантѣ автора, создавшего первую сравнительную грамматику языковъ церковно-славянскаго и карпаторусскаго и при этомъ давшего такое точное, внимательное описаніе своего родного говора.

Изданіемъ этого своего труда Лучкай хотѣлъ достигнуть двухъ цѣлей. Во-первыхъ, дать надежное руководство своимъ братьямъ-карпаторуссамъ для усвоенія себѣ правильныхъ нормъ того языка, который, по его мнѣнію, долженъ былъ быть литературнымъ языкомъ всѣхъ славянъ и къ которому особенно близки карпаторусскіе говоры. Во-вторыхъ, онъ желалъ внести въ европейскую науку свѣдѣнія о неизвѣстномъ еще ей карпаторусскимъ народѣ и его языкѣ.

Еще изъ школьных лѣтъ мы выносимъ большею частью понятіе о грамматикѣ, какъ о чемъ-то скучномъ, сухомъ, безжизненномъ, но эта грамматика (*Gr. Sl.-ruth.* Лучкай) рисуетъ передъ нами такой живой, глубоко симпатичный образъ истиннаго гуманиста, который сочетаетъ горячую любовь къ своему угнетенному, всѣми забытому народу со стремленіемъ къ объединенію всѣхъ славянъ, и даже больше, — всего человѣчества въ области, по крайней мѣрѣ, науки и литературы. Свои труды: и эту грамматику и свое колоссальное произведеніе — „*Historia carpato-ruthenorum*“, къ сожалѣнію до сихъ поръ неизданное, лежащее въ рукописи, — онъ пишетъ на латинскомъ языкѣ именно потому, что считаетъ этотъ языкъ органомъ міровой культуры и науки. Объ этомъ, между прочимъ, есть любопытное свидѣтельство словацкаго писателя, Богуша Носака, который говоритъ, что, бесѣдуя съ Лучкаемъ о его трудахъ, онъ спросилъ его, почему тотъ пишетъ по латыни, а не по карпаторусски? и Лучкай на это ему отвѣтилъ, что онъ пишетъ для ученыхъ, а наиболѣе подходящей рѣчью къ этому является латинская. Какая-то грусть чувствуется въ его словахъ, когда онъ въ Предисловіи къ своей Грамматикѣ (стр. V), говоритъ о томъ, что латинскій языкъ вытѣсняется постепенно новыми литературными языками: французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ. Но уже явной тревогой и печалью звучатъ его слова о томъ, что (стр. VI) «потомки (древнихъ Славянъ), пренебрегая своей матерью — языкомъ

церковно-славянскимъ, стремятся ввести въ литературное употребленіе мѣстныхъ нарѣчій, чуть не говоры». Его очень пугаетъ сказывающійся въ этомъ анархическій сепаратизмъ — эта характерная и роковая славянская особенность.

По поводу этихъ взглядовъ Лучкая на роль языковъ латинскаго и церковно-славянскаго я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе. За 100 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія его Грамматики, наука о языкѣ — лингвистика — такъ прогрессировала; настолько расширилось и углубилось наше пониманіе жизни языка, взаимотношенія языковъ, нарѣчій и говоровъ, что для насъ теперь и вопросъ о литературномъ языкѣ стоитъ нѣсколько въ иной плоскости, чѣмъ во времена Лучкая. Мы признаемъ, что всякій литературный языкъ при всей своей необходимой искусственности долженъ непремѣнно базироваться на живой народной рѣчи, что должно быть постоянное взаимоотношеніе, взаимодѣйствіе этихъ двухъ элементовъ — языка литературнаго и языка живого, иначе говоря, литературный языкъ долженъ быть или стать нарѣчіемъ извѣстнаго живого языка. Поэтому ни языки мертвые, какъ латинскій или древне-церковно-славянскій, ни языки, искусственно созданные, выдуманные, вродѣ Волапюка или Эсперанто, не могутъ быть дѣйствительно литературными языками. Живи Лучкай въ наше время, онъ, конечно и не подумалъ бы прибѣгать къ латыни, какъ къ языку ученаго міра, такъ какъ теперь не только „*graeca*“, но и „*latina non leguntur*“ Послѣдствіемъ приверженности Лучкая къ латыни оказывается то, что и ученые очень мало знакомы съ его книгой и, даже упоминая о ней, часто неправильно о ней судятъ. Знаменитый ученый, И. Ягичъ, знаетъ о Лучкаѣ лишь то, что онъ былъ «составителемъ маленькой грамматики». Проф. И. Срезневскій говоритъ, что Лучкай въ своей грамматикѣ «смѣшалъ нарѣчія церковное и народное, измѣнялъ одно другимъ», П. Шафарикъ пишетъ, что «у Лучкая малорусское нарѣчіе недостаточно ясно отдѣлено отъ церковнаго», а между тѣмъ каждый, кто внимательно просмотритъ его Грамматику, убѣдится, какъ заботливо, внимательно разграничиваетъ онъ формы и обороты карпаторусскіе отъ церковно-славянскихъ. Но всего удивительнѣе, что мы встрѣчаемъ самое поверхностное знакомство съ этой книгой и у тѣхъ лицъ, которые пишутъ о литературной дѣятельности въ Подкарпатской Руси. Такъ, мы читаемъ въ упомянутой уже книжкѣ Д-ра Волод. Бирчака «Литературнѣ стремлѣнія Подкарпатскоѣ Руси» 1921., что «Лучкай задумавъ — якъ говорить у вступѣ на VIII сторонѣ — дати граматику мовы, що називається «карпаторуська», а яку уживають кромѣ Малоѣ Руси и Польщѣ головно въ Галичинѣ, Володимирѣ, Буковинѣ и за середнимъ хребтомъ Карпат, то є в горѣшній Угорщинѣ аж до Спишу». Иными словами: авторъ задумавъ дати граматику

русько-украинскоѣ мовы». — А вотъ, что на самомъ дѣлѣ говоритъ Лучкай: (VIII—IX стр.). Только у одного еще діалекта нѣтъ грамматики, а можетъ быть, и порчи, — именно у Карпато-русскаго, который слышится не только въ Малороссіи и Польшѣ, но и въ Галиціи, Ладомеріи и Буковинѣ и далѣе по южному (*meridionalis* не значитъ средній, а южный) склону Карпатскихъ горъ, или иначе въ верхней Угріи до Спиша... Для этого языка не считалось необходимымъ создавать особую грамматику, такъ какъ онъ, отличаясь отъ всѣхъ прочихъ діалектовъ, очень близокъ къ языку старославянскому и потому вполне могъ пользоваться старославянскими формами, а на небольшія его отличія не обращалось по справедливости и вниманія (XVI стр.). Вслѣдствіе сего, какъ раньше, такъ и теперь, нѣтъ нужды въ особой грамматикѣ карпаторусскаго языка». (Что касается меня, говоритъ Лучкай, то) «Карпато-русскія формы присоединилъ я для того, чтобы было нагляднѣе, насколько отступилъ этотъ языкъ отъ своей матери». — Уже изъ этихъ словъ Лучкай ясно видно, что у него и въ мысляхъ не было давать грамматику не только «русько-украинскоѣ мовы», но и карпаторусскаго языка, каковую грамматику онъ считалъ совершенно излишнею, а если бы г. Д-ръ Бирчакъ просмотрѣлъ внимательно самую Граматику Лучкай, то онъ, вѣроятно, воздержался бы отъ такого совершенно превратнаго утвержденія. Къ сожалѣнію, приведенныя слова г. Бирчака повторяетъ буквально, безъ всякой провѣрки и г. Ю. Ревай, въ своей статьѣ подъ заглавіемъ «Руськѣ грамматики и словарь на Подкарпатю» («Учитель» 1929, Януар-Фебруар, стр. 4 и 7): «Автор, як то зазначує в переднѣм словѣ, хотѣв дати граматику мовы, яка называєся «карпато-руська» и яку уживають кромѣ Малоѣ Руси и Польщѣ, головно в Галичинѣ, Володимиріѣ, Буковинѣ и за середным хребтом Карпат, то є в горѣшнѣй Угорщинѣ аж до Спиша». Въ томъ же духѣ г. Ревай даетъ и свои дополненія: «От же опер М. Лучкай свою граматику на тодѣшних творах и на живу народну мову». Замѣтимъ къ этому, что этихъ «тодѣшних творовъ» Лучкай указываетъ лишь два катихизиса, къ одному изъ коихъ — канон. Кутки — относится очень критически, и никакихъ слѣдовъ пользованія ими не проявляетъ. Полное недоумѣніе, наконецъ, вызываетъ заключеніе г. Ревая: «На жаль дорожкою, показаною В. (?) Лучкаем дальшѣ грамматики не пошли, але наоборот деякѣ з них (як будемо видѣти) змагалися наговорити собѣ раз, що лише церковно-славянска мова надаєся до литературы...». Но вѣдь это послѣднее мнѣніе и принадлежитъ самому Лучкаю, это онъ настаивалъ на томъ, чтобы литературнымъ языкомъ былъ языкъ церковно-славянскій, слѣдовательно эти «деякѣ з них» шли, именно, по дорожкѣ, указанной Лучкаемъ. Совершенно очевидно, что сама Грамматика осталась для гг.

Бирчака и Ревая — книгой за семью печатями. — Быть может, этого не было бы, будь она писана не по латыни.

Нѣсколько въ иномъ свѣтѣ представляются намъ взгляды Лучкая на церковно-славянскій языкъ. Конечно, для насъ теперь это такой же мертвый языкъ, какъ и латинскій. Хотя въ основѣ своей онъ собственно языкъ древне-болгарскій, но давно потерялъ связь съ живыми болгарскими говорами, онъ даже для самихъ болгаръ является языкомъ мертвымъ, тѣмъ болѣе для другихъ славянъ. Но церковно-славянскій языкъ временъ Лучкая далеко не былъ уже языкомъ древне-болгарскимъ, онъ настолько обрусѣлъ въ своихъ звукахъ и формахъ, что скорѣе могъ бы быть названъ славяно-русскимъ, и поэтому совершенно правъ былъ Лучкай, говоря объ особенной близости этого языка къ карпаторусскимъ говорамъ.

Хотя, такимъ образомъ, возрѣнія Лучкая на значеніе латинскаго и отчасти церковно-славянскаго языка кажутся намъ теперь устарѣлыми, тѣмъ не менѣе мы должны удивляться его свѣтлому, трезвому взгляду на отношеніе литературнаго языка, языка культурнаго класса — къ народнымъ говорамъ, къ такъ называемому, просторѣчію. Позволю себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ Предисловія къ Грамматикѣ.

(Стр. VI). «Во всѣхъ странахъ, говоритъ онъ, гдѣ существуетъ дѣленіе на діалекты, одинъ изъ нихъ первенствуетъ, какъ на письменныхъ столахъ ученыхъ, такъ и въ судебныхъ залахъ, являясь законодателемъ для прочихъ родственныхъ говоровъ и нарѣчій. И это вполне справедливо, такъ какъ, если бы кто-нибудь пожелалъ, чтобы всѣ діалекты были одинаково усовершенствованы, то это значило бы, что всѣ они одинаково несовершенны, и въ замѣнъ ихъ получилъ бы господство какой-либо чужой языкъ».

(Стр. VII). «Нѣтъ ни одного литературнаго языка, тождественнаго съ простонароднымъ, потому что это могло бы произойти только въ томъ случаѣ, если бы поселянину были уже врождены тѣ идеи и понятія, которые образованный человѣкъ пріобрѣтаетъ путемъ ученія и чтенія». (Стр. VIII). «Одни только Славяне болѣзненно стремились и стремятся уподобить свою литературную рѣчь рѣчи народной, съ той ли цѣлью, чтобы сдѣлать ее понятной болѣе широкому кругу лицъ, или чтобы облегчить изученіе ея? — Но вѣдь тотъ, кто хочетъ владѣть литературнымъ языкомъ, долженъ же изучить его грамматику, а безграмотному такъ же трудно усвоить себѣ усовершенствованный способъ выраженія (слогъ), какъ и научиться старо-славянскому языку».

Не дышутъ ли нашей современностью эти его разсужденія, такія простыя, ясныя, естественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ такія здравыя, справедливыя; не кажется ли, что Лучкай за

100 лѣтъ уже предвидѣлъ все растущее среди Славянъ болѣзненное стремленіе возвышать на степень литературной рѣчи говоръ чуть не cadaго села. Но столь же пророчески предчувствуетъ онъ и результаты этого славянскаго языковаго сепаратизма (стр. VII): «боюсь, говоритъ онъ, какъ бы такое разьединеніе не привело къ тому, что многіе изъ этихъ діалектовъ исчезнутъ, поглощенные чужими языками. Вѣдь во многихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе процвѣтала славянская рѣчь, теперь едва нѣсколько стариковъ знаютъ еще родной языкъ». Что можемъ мы добавить къ этимъ прозорливымъ словамъ, развѣ только то, что тамъ, гдѣ въ его время старики еще хранили славянскую рѣчь, теперь уже нѣтъ ея и слѣда.

Во многихъ мѣстахъ его книги чувствуется опасеніе, какъ бы кто не подумалъ, что, описывая особенности карпаторусской рѣчи, онъ желаетъ поднять ее на степень литературнаго языка. Онъ тщательно подчеркиваетъ, что единымъ славянскимъ литературнымъ языкомъ долженъ быть языкъ Библіи, языкъ церковно-славянскій (стр. XV—XVI), особенно это естественно для карпаторуссовъ, которые сохранили свой языкъ неискаженнымъ, и которымъ, даже неграмотнымъ, вполнѣ понятенъ библейскій языкъ, ежедневно слышимый ими въ Церкви, грамотные же употребляютъ въ своей рѣчи больше библейскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ простонародныхъ. Поэтому то, какъ до сихъ поръ особая карпато-русская грамматика считалась излишней, такъ не нужна она и теперь. А если онъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ тѣ, или другія особенности карпаторусскихъ говоровъ, то лишь съ цѣлью указать, какъ мало отклонились они отъ церковно-славянскаго языка. Эта оговорка повторяется имъ нѣсколько разъ, такъ напр., говоря о томъ, что общеславянскіе звуки *о* и *е* въ извѣстныхъ случаяхъ произносятся карпаторуссами, какъ *й*, онъ добавляетъ: (3) «я отмѣчаю это не съ цѣлью указать, что такъ надо произносить». (5) «Въ устахъ образованнаго человѣка обѣ буквы должны сохранять свое первоначальное произношеніе», или еще (18) «въ народной рѣчи карпаторуссы часто прибавляетъ в передѣ *о* и *у*, но этого никакъ нельзя одобрить». Приводя карпаторусскія формы склоненія, Лучкай замѣчаетъ, что такія формы (34) «слышатся иногда въ рѣчи менѣе культурныхъ карпаторуссовъ, — я отмѣтилъ ихъ для свѣдѣнія, но не для подражанія». Какъ оказалось однако, и какъ мы видѣли изъ приведенныхъ словъ гг. Бирчака и Ревая, опасенія его были вполнѣ основательны. Всего любопытнѣе, что можно встрѣтить утвержденія, будто Лучкай въ своей литературной дѣятельности былъ послѣдователемъ каноника Кутки, писателя нач. XIX в., между тѣмъ какъ о языкѣ этого писателя самъ Лучкай выражается такъ (стр. X): «Катихизисъ, составленный каноникомъ Куткой, представляетъ просто-

народныя формы и потому долженъ быть исправленъ по правиламъ орѳографіи», а такъ какъ подъ орѳографіей авторъ понималъ и фонетическія явленія, то ясно, что исправленіе должно было состоять въ устраненіи особенностей простонародной, т. е. карпаторусской рѣчи.

Какъ же Лучкай выполнилъ обѣ поставленныя себѣ задачи? При составленіи церковно-славянской грамматики онъ имѣлъ уже предшественниковъ. Въ его время существовало нѣсколько книгъ, представлявшихъ грамматическую обработку церковно-славянскаго языка. Это, прежде всего — извѣстный старый трудъ Мелетія Смотрицкаго, вышедшій еще въ началѣ XVII в. (въ 1618 г.) подъ заглавіемъ: «Граматики славенскія правильное синтагма». Затѣмъ небольшая книжка Авр. Мразовича: «Руководство къ славенстѣй грамматіцѣ исправленнѣй во употребленіе славено-сербскихъ народныхъ училищъ» (въ 1794), которое является въ значительной степени лишь передѣлкой труда М. Смотрицкаго, и наконецъ обширный трудъ знаменитаго чешскаго ученаго, Іосифа Добровскаго: „*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*“ (1822 г.). Первые двѣ книги имѣли характеръ учебниковъ, назначеніе коихъ — научить правильно владѣть церковно-славянскимъ языкомъ, какъ языкомъ литературнымъ. Книга же І. Добровскаго являлась чисто научнымъ произведеніемъ, ставившимъ себѣ цѣлью изслѣдованіе языка по тѣмъ древнѣйшимъ памятникамъ его, какіе были доступны автору.

Изъ указаній и ссылокъ Лучкай, да и по содержанію его труда видно, что всѣ три книги были ему прекрасно знакомы. Къ намѣченной имъ задачѣ — дать руководство правильной церковно-славянской рѣчи — ближе подходили Смотрицкій и Мразовичъ, однако же «руководителемъ своимъ, какъ онъ самъ говоритъ въ *Epilog*-ѣ, онъ избралъ Добровскаго, что даже вмѣняетъ себѣ въ заслугу» — и съ полнымъ правомъ, прибавимъ мы, такъ какъ своимъ выборомъ онъ проявилъ умѣнье оцѣнить и понять значеніе труда Добровскаго и показалъ свое научное развитіе и способности. Однако это заявленіе Лучкай, и, пожалуй, даже поверхностное разсмотрѣніе его Граматики, можетъ дать неправильное представленіе о томъ, что весь трудъ его заключался въ нѣкоторой передѣлкѣ и сокращеніи произведенія Добровскаго. Но это далеко не такъ. Лучкай, дѣйствительно, въ широкой мѣрѣ пользуется книгой Добровскаго, но матеріалъ ея онъ располагаетъ и примѣняетъ такъ, какъ нужно для выполненія его задачи. Нѣкоторыхъ отдѣловъ онъ совершенно не касается (напр., объ изобрѣтеніи происхожденія азбуки, или о формахъ словообразованія), изъ другихъ черпаетъ лишь немного. Извѣстныя части (напр., ученіе о глаголѣ) въ значительной степени перерабатываетъ. Нѣкоторые параграфы, какъ второстепенные, онъ относитъ къ кон-

цу книги, а именно: объ удареніи и о двойственномъ числѣ. Лучкай очевидно считалъ нужнымъ коснуться этихъ вопросовъ, но лишь для полноты изложенія, такъ какъ практическаго значенія эти главы имѣть не могли. Онъ даже рекомендуетъ не отмѣчать ударенія въ словахъ, такъ какъ славянскіе языки въ этомъ отношеніи не согласны между собой. О двойственномъ числѣ онъ замѣчаетъ, что даже въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ оно рѣдко употребляется и этимъ, повидимому, хочетъ указать, что можно обойтись и безъ него. Мѣстами Лучкай даетъ свои собственныя добавленія и объясненія. Такъ, онъ совѣтуетъ упростить азбуку: свести ее къ 29-ти знакамъ, вмѣсто 42, при этомъ очень разумно и основательно выясняетъ совершенную ненужность ѣ, считая эту букву вмѣстѣ съ Добровскимъ простымъ знакомъ твердости согласной. Любопытны соображенія Лучкай о произношеніи буквъ и, ѣ, ы; по мнѣнію его въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ одинъ звукъ i, но съ различными оттенками: ѣ — острое i, ы — твердое i, и и — среднее i: напр., бѣл, был, бил: въ этомъ чувствуется вліяніе карпаторусскаго произношенія этихъ звуковъ. Нѣкоторыя поправки, сдѣланныя имъ, очень удачны. Такъ формы мн. ч. отъ слова сынъ, имѣютъ у Добровскаго вставочную группу **ов**; сыновамъ, сыновахъ; такія формы встрѣчаются въ довольно позднихъ памятникахъ гл. обр. сербскаго происхожденія. Лучкай даетъ болѣе старыя правильныя формы, безъ этой вставки: **сыномъ, -нехъ**. Нѣкоторыя, правда немногія дополненія, вызываемыя назначеніемъ книги, какъ практическаго руководства, и у Мразовича заимствуются имъ. Такимъ образомъ мы должны сказать, что первая поставленная имъ задача была рѣшена имъ вполне удачно.

Конечно, съ теперешней нашей точки зрѣнія иные факты мы представили бы нѣсколько иначе, нѣкоторыя объясненія и толкованія Лучкай насъ теперь не могутъ удовлетворить, но въ этомъ большею частью повиненъ не Лучкай, а состояніе науки славянскаго языкознанія въ его время. Мы должны, напротивъ, признать, что Лучкай очень умѣло воспользовался всѣмъ, имѣвшимся въ его распоряженіи, матеріаломъ, чтобы выработать удобное и надежное грамматическое руководство того литературнаго языка, который по его мнѣнію долженъ былъ быть общимъ для всѣхъ славянъ. Я сказалъ уже, что этотъ языкъ безъ вѣдома и безъ желанія Лучкай являлся скорѣе русскимъ, чѣмъ церковно-славянскимъ. Но кое-что въ сторону сближенія его съ русскимъ внесъ и самъ Лучкай. Онъ упростилъ правописаніе, поставилъ русскія полногласныя формы, какъ **голос, солома, город, порох**, наравнѣ съ церковно-славянскимъ **глас, слама, рад, прах**, устранилъ ударенія и формы дв. ч., узаконилъ

употребленіе Genet. Sing. въ значеніи Асс. (всп.), принялъ формы Gen. pl., какъ путей, каменей, вм. ц. сл. іѣ.

Въ разрѣшеніи второй поставленной имъ задачи: дать свѣдѣнія о карпаторусскомъ языкѣ — Лучкай является вполне самостоятельнымъ. Объ этомъ говоритъ и самъ онъ: «въ изложеніи карпаторусскихъ особенностей мной руководило только собственное чутьё и знаніе языка». Дѣйствительно, до него никѣмъ не было сдѣлано даже попытки дать такое описаніе живого говора, да и послѣ него нескоро появились первые опыты такой работы. Можно смѣло сказать, что онъ является первымъ русскимъ діалектологомъ. Заслуга Лучкай увеличивается еще тѣмъ, что явленія карпаторусской рѣчи онъ излагаетъ сравнительно съ фактами церковно-славянскаго языка и этимъ придаетъ имъ большую ясность, наглядность, систематичность. Слова Лучкай о томъ, что онъ руководился своимъ личнымъ знаніемъ карпаторусской рѣчи, надо понимать такъ, что въ своемъ описаніи онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свой родной говоръ — говоръ Великихъ Лучекъ, откуда былъ родомъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы теперь имѣемъ объ этомъ говорѣ, напр., въ извѣстныхъ трудахъ Верхратскаго, подтверждаютъ это заключеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ тонкимъ внимательнымъ наблюдателемъ былъ Лучкай, съ какой точностью передавалъ онъ звуковыя и формальныя особенности этого говора (и еще при тѣхъ несовершенныхъ техническихъ средствахъ, какими онъ могъ пользоваться). Въ фонетикѣ Лучкай остановился на дѣйствительно основныхъ особенностяхъ своего говора въ области гласныхъ и согласныхъ, напр., на переходѣ звука е въ о послѣ шипящихъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, на переходѣ е в я въ концѣ слова, на измѣненіи е и о въ ѣ въ закрытомъ слогѣ, напр., вѣл; онъ даже отмѣчаетъ, что въ другихъ говорахъ это явленіе представляетъ извѣстныя различія, именно не ѣ, а и, въ другихъ—і, въ третьихъ—'і и т. д. Формы склоненія и спряженія даны имъ съ большой полнотой. Указаны имъ даже нѣкоторыя синтактическія явленія, какъ употребленіе Дательнаго падежа въ значеніи притяжательномъ и т. п. Наконецъ, чрезвычайно цѣнно его собраніе образцовъ народной рѣчи: пѣсенъ, поговорокъ, загадокъ и т. д.

Такимъ образомъ, въ своей книгѣ Лучкай за 100 лѣтъ, уже предвидѣлъ развитіе науки о языкѣ по двумъ направленіямъ: 1) установленіе нормъ литературнаго языка и его отношенія къ живой рѣчи, и 2) изученіе и описаніе отдѣльных говоровъ.

Что касается мысли Лучкай о признаніи языка церковно-славянскаго — литературнымъ языкомъ, то мы въ сущности принимаемъ ее и теперь, но въ томъ смыслѣ, что нашъ литературный языкъ не долженъ порывать связи съ той цер-

ковно-славянской основой, изъ которой онъ выросъ, только мы добавляемъ къ этому, что онъ долженъ полной мѣрой черпать изъ богатой сокровищницы народной рѣчи во всѣхъ ея оттѣнкахъ и различіяхъ. Мы признаемъ совершенно правильнымъ его мнѣніе о томъ, что у всѣхъ русскихъ, къ какому бы русскому языку, нарѣчію или говору они ни принадлежали, долженъ быть одинъ общій языкъ литературы и науки. Даже больше того: мы повторяемъ, вслѣдъ за Лучкаемъ, что этотъ языкъ долженъ быть не только всерусскимъ, но и всеславянскимъ (междуславянскимъ). И къ нашей радости мы можемъ сказать, что это не только мнѣніе и желаніе русскихъ людей, но такъ думаютъ и желаютъ всѣ тѣ славяне (чехи, словаки, сербы, болгары, словинцы), которымъ дорога мысль о созданіи самостоятельной славянской культуры, которые мечтаютъ о духовномъ освобожденіи славянства изъ подъ культурнаго гнета чуждыхъ народовъ. А такимъ языкомъ только и можетъ быть языкъ Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевскаго, Духновича и Сильвая, Поповича и Карабелеша.

VI. Секція Общества.

I. Научно-литературная.

1. Русскій Народный Университетъ въ Прагѣ; 2. Д-ръ Бескидъ А. А.; 3. Д-ръ I. В. Каминскій; 4. Проф. Иванъ Мураній; 5. Д-ръ А. М. Гагатко; 6. В. П. Звонниковъ; 7. М. Василенковъ; Проф. К. Стрипскій.

II. Организационно-просвѣтительная.

А) **Центральный отдѣлъ:** 1. П. С. Федоръ; 2. Д-ръ Алексѣй Бескидъ; 3. А. И. Игнацій; 4. I. Л. Араній; 5. Иванъ Лизакъ; 6. Антоній Чеканъ; 7. Николай Малець; 8. Владиміръ Сцитовскій; 9. Ив. Булеца.

Б) **Окружные отдѣленія:** 1. Ужгородское: С. С. Федоръ, Алексѣй Мешковъ; 2. Велико-Березнянское: Андрей Владиміръ, Евгений Жупанъ; 3. Береговскій: проф. Н. Гарчаръ, Василій Кваковский; 4. Нижне-Веречанскій: Степанъ Лявинець, Степанъ Кейпаза; 5. Мукачевскій: Иванъ Цапуличъ, Петръ Копикъ; 6. Севлюшскій: Иванъ Сочка, Михаилъ Федораничъ; 7. Иршавскій: Николай Цимболинецъ, Іосифъ Гелетка; 8. Воловской: Андрей Сокачъ, Иванъ Калабишка; 9. Перечинскій: Титъ Карпинецъ, Андрей Сочка; 10. Росвиговскій: Василій Іовбакъ, Эммануиль Павлищинець; 11. Свадявскій: Иванъ Добошъ, Иванъ Ковачъ; 12. Тячевскій: Федоръ Вощепинець, Михаилъ Сабовъ; 13. Раховскій: Юлій Сокулъ, Михаилъ Мишкей; 14. Густскій: Проф. А. Луковичъ, Миронъ Ляхъ; 15. Словакія: Д-ръ Иванъ Жидовскій, Д-ръ Іосифъ Кизакъ.

III. Издательская секція.

1. С. С. Медьешій; 2. П. П. Сова; 3. Д-ръ I. В. Каминскій; 4. Эммануиль Карпинецъ; 5. Борисъ Сѣдаковъ.

IV. Театральная.

1. О. А. Полуэктова-Куфтина; 2. Мелетина Сова; 3. Александра Шмейць; 4. Елисавета Гускова; 5. Маргарета Битнерова; 6. Михаилъ Силинь.

V. Музыкальная.

1. Степанъ Медрецькій; 2. Вацлавъ Якоушъ; 3. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 4. Ковачъ Николай; 5. Владиміръ Бальцаръ; 6. С. Сильвай.

VI. Хоровая.

1. П. С. Федоръ; 2. Николай Крайнякъ; 3. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 4. гжа Задоръ; 5. Д-ръ Іосифъ Ройковичъ.

VII. Союзъ Русскихъ Женщинъ.

1. Гаджега Эмма; 2. Гуловичъ Изабелла; 3. Цуркановичъ Валерія; 4. Стасева Феодора; 5. Гаталякъ Этель; 6. Медьешій Марія; 7. Бескидъ Ольга; 8. Дубай Анна.

VIII. Русскій Историческій Архивъ.

1. Д-ръ Илья Гаджега 2. Александръ Стойка; 3. Д-ръ Г. И. Савчинскій; 4. Д-ръ Наталья Шкирпанъ; 5. Иванъ Добошъ.

IX. Народныхъ Домовъ.

1. Д-ръ Илья Гаджега; 2. Д-ръ I. В. Каминскій; 3. Д-ръ Корнилій Могильницкій; 4. Петръ Гаталякъ; 5. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 6. Д-ръ Михаилъ Стасевъ; 7. Степанъ Медьешій; 8. Леопольдъ Гойдичъ; 9. Исидоръ Черній.

X. Спортивная.

1. Д-ръ I. В. Каминскій; 2. Эмилианъ Небесный; 3. Юлій Грицовъ; 4. Александръ Шпеникъ; 5. Д-ръ Иванъ Жидовскій; 6. Д-ръ Эрнестъ Марковичъ; 7. Михаилъ Демковъ.

XI. Русскаго Скаута им. А. В. Духновича.

1. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 2. Проф. В. А. Петровъ; 3. Д-ръ Н. Р. Шкирпанъ; 4. Иванъ Лизакъ; 5. Андрей Игнацій; Федоръ Рудловчакъ; 7. Владиміръ Симковъ.

XII. Санитарно-гигіеническая.

Руководить Д-ръ К. Шимановскій.

ИЗДАНИЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенцикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидъ: Попрадовъ 12 кч.
51. Проф. Ю. А. Яворскій: Поученіе о снахъ. 1 кч.
52. Проф. Ю. А. Яворскій: Дополненіе къ библиогр. А. Духновича. 1 кч.
53. Д-ръ Симеонъ А. Сабовъ. 1 кч.
54. Д-ръ. А. Л. Петровъ (печатается).
55. Проф. О. О. Аристовъ: А. В. Духновичъ. 3 кч.
56. Павелъ Федоръ: Очерки карпаторусской литературы. 12 кч.
57. Павелъ Федоръ: Правда побѣждаетъ, пьеса. 5 кч.
58. А. Карабелешъ: Въ лучахъ разсвѣта, стихи 29 кч.
59. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. Духновича въ 1928 г.
60. Юбилейный сборникъ посвященный Е. И. Сабову.
61. Проф. В. А. Францевъ: Изъ исторіи письменности Подкарп. Руси XVIII—XIX стол. — 1.50 кч.
62. Проф. Ю. А. Яворскій: Національное самосознаніе карпатороссовъ на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ — 1 кч.
63. Проф. А. Л. Петровъ: Къ исторіи села Каменки — 2 кч.
64. Народный календарь О-ва на 1930 годъ подъ ред. д-ра Степана А. Фенцика — 4 кч.
65. Янъ Неруда — избранные рассказы, пер. и вступ. статья Е. Л. Недзѣльскаго — 18 кч. (печатается).
66. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Чехословаки и карпатороссы — 5 кч.
67. А. Бобульскій: Въ святой вечеръ, пьеса въ 2-хъ дѣйств. — 6 кч.
68. А. Бобульскій: Верховинская кровь, пьеса въ 3 дѣйств. (печатается).
69. А. М. Волконскій: Малороссъ или украинецъ? 1928. — ц. 1 кч.
70. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Добрянскаго, 1929 — 1 кч.
71. Проф. Ю. А. Яворскій: Старая латинская записка о селѣ Гукли-вомъ, 1929 — ц. 1 кч.
72. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Руководство къ организаціи и веденію Русскихъ Народныхъ Читаленъ им. А. В. Духновича, 1929 — 1 кч.
73. Графъ А. Салтыковъ: Евразійцы или украинцы, 1930 — ц. 10 кч.
74. Д-ръ Н. А. Бескидъ: А. В. Духновичъ (печатается).
75. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Русскимъ Скаутамъ, 1929 — ц. 1 кч.
76. Сборникъ о Балудянскомъ (готовится къ печати).
77. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. В. Духновича въ 1929/30 г. — ц. 3 кч.
78. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ редакціей Д-ра С. А. Фенцика — ч. I.
79. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. II.
80. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. III (готовится къ печати).
81. Собраніе стихотвореній А. В. Духновича подъ ред. Д-ра Н. А. Бескида (готовится къ печати).
82. Проф. Валерій Погорѣловъ: Мих. Лучкай и его грамматика, 1930 — ц. 2 кч.
83. Проф. Ю. А. Яворскій: П. Д. Лодій въ изображеніи польскаго романиста, 1930 — ц. 1 кч.
84. Проф. О. О. Аристовъ: А. И. Добрянскій (готовится къ печати).
85. Проф. О. О. Аристовъ: Амв. Аф. Полянскій (готовится къ печати).
86. А. В. Поповъ: О. О. Аристовъ, очеркъ его дѣятельности къ 25-лѣтнему юбилею (готовится къ печати).

